

У. Дж. ХАЙЛАНД

Брежнев и не только

<Фрагменты>

Брежневская эпоха явно заканчивается. В октябре этого года он отмечал пятнадцатый год своего пребывания на посту главы партии, что, по крайней мере, на четыре года больше официального срока Никиты Хрущева. В декабре ему будет 73 и следующей весной он, если продержится, обойдет Сталина как самого старого советского лидера, когда-либо занимавшего высшую партийную должность. Он уже создал прецедент, став главой государства и лидером партии; он не уступает Сталину в звании Маршала Советского Союза. Практически по любым меркам последние 15 лет следует считать его «эпохой». Сейчас преклонный возраст и физические недостатки Генерального секретаря ЦК КПСС позволяют предположить, что идет преднаследственный этап и можно начинать процесс подведения итогов брежневского периода.

<...>

Чего добился Брежнев, так это восстановления *status quo* до Хрущева: он укрепил консервативные элементы в структуре власти; партийная бюрократия была стабилизирована; и военные, и органы безопасности получили власть. Он тщательно избегал экспериментов со структурными реформами в экономике, несмотря на давление с целью осуществления новых подходов. Экономические показатели не были впечатляющими, но, тем не менее, они обеспечивали потребности режима в военном росте.

Его внешней политике не хватало яркости Хрущева, и это, как правило, смягчало советские поражения (например, в Египте). Всеохватывающей постоянной темой было: укрепление советской власти на Дальнем Востоке для противодействия Китаю, разгрыбание карты разрядки с Европой и Соединенными Штатами. Воспользовавшись полутора десятилетиями беспорядков и потрясений на Западе, Брежнев неустанно инвестировал в советский

военный рост и в последние годы достиг новых стратегических преимуществ в Африке и Юго-Восточной Азии. Он оставит более сильное наследие, чем то, которое он унаследовал: СССР — действительно глобальная сверхдержава с ближайшими возможностями и значительными геополитическими преимуществами.

II

Большинство характеристик брежневского режима проявились в течение первых нескольких лет после смещения Хрущева в 1964 г. В фундаментальном смысле любая антихрущевская клика — с Брежневым или без него — должна была реагировать на хрущевскую политику и, в частности, выступить против того, что казалось ее перегибами. <...>

Хрущев высвободил политические силы, которые было нелегко сдержать: значительная либерализация в искусстве, некоторая свобода действий для идей экономической реформы, угроза традиционному приоритету тяжелой промышленности и, самое главное, всепроникающий антисталинизм. Новый режим не мог просто загнать всех этих джинов обратно в бутылку. Более того, антихрущевство сплотило небольшую коалицию в 1964 году, но не гарантировало консенсуса по альтернативной программе. В коалиции были разные интересы; некоторые могли быть примирены; другие требовали конфронтации. Баланс между примирением и конфронтацией в конечном итоге отражал политический выбор партийного лидера, поскольку если и существовал один всеобъемлющий элемент, то это было желание восстановить центральную власть и дисциплину. В советской системе никакой другой институт, кроме партии, не мог выполнять эту роль.

Таким образом, неудивительно, что возрождение первоначальной партии стало визитной карточкой брежневской эпохи. Потенциально взрывоопасное разделение партии на противоборствующие сельскохозяйственные и промышленные фракции было быстро прекращено. Намеченная Хрущевым быстрая смена партийных лидеров на всех уровнях была отброшена и изменена, чтобы старшие товарищи могли немного насладиться своим пребыванием в должности и гарантированной работой. Партия «всего народа» была тихо забыта. Власть постепенно возвращалась к московскому центру. И эта тенденция символизировалась возрождением терминологии старых времен: «Политбюро» вместо «Президиума», «Генеральный секретарь» вместо «Первого секретаря». Партийный аппарат возрождался, и им руководил Брежнев.

<...>

Если ограниченная реабилитация Сталина была сильным ударом по хрущевцам, более решительным переломом стало систематическое подавление инакомыслия в культурном и художественном сообществе. Именно Хрущев прославил Солженицына, разрешив опубликовать в «Новом мире» его повесть «Один день Ивана Денисовича». Новый режим не допускал таких причудливых экспериментов. Он двигался в противоположном направлении: арест и суд над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем в феврале 1966 года стали шокирующим и тревожным напоминанием о том, что государственные органы могут быть и будут жесткими и решительными.

Консервативно-ортодоксальное возрождение постепенно распространялось и на советскую экономику. Хрущев оставил бесценный подарок: прекрасный урожай (после, конечно, бедственного урожая 1963 г.). Это создало короткий период отсрочки, в течение которого можно было расставить приоритеты. Почти сразу же начались споры. Экономические реформаторы выступали за большую рациональность и прибыльность; агрономы за огромные инвестиции; военные, хотя и спорили между собой о природе войны, объединились, чтобы потребовать большую долю пирога; промышленники ссылались на священный приоритет «Группы А»; и было неформальное требование повысить уровень жизни, что в период постепенного экономического спада могло быть осуществлено только за счет других секторов.

У Брежнева были свои приоритеты, хотя он старался их продвигать постепенно: в основе должна была быть тяжелая промышленность, затем оборона, сельское хозяйство и, наконец, благосостояние народа. Он изложил эту схему в годовщину Октябрьской революции 1917 года, когда он впервые председательствовал в ноябре 1964 года. Какое-то время экономисты-реформаторы делали ставку на влияние своих предложений сентября 1965 года, и Косыгин, казалось, был их сторонником, но брежневские обязательства всегда были уклончивы. Реформы сошли на нет.

Некоторое время казалось, что оборона должна стать экономической жертвой. Первый оборонный бюджет Косыгина-Брежнева предусматривал сокращение на 500 миллионов рублей из-за «разрядки международной обстановки», как утверждал Косыгин. Даже маршал Соколовский туманно говорил о дальнейшем сокращении численности вооруженных сил. Но эта тенденция была остановлена, а затем обращена вспять. К июлю 1965 года Брежнев предостерегал от всякой экономии за счет обороны, а Косыгин ему вторил. Тенденция действительно была в расширении обороны. Вновь стали появляться профессиональные военные: маршал

Захаров в качестве начальника штаба; Генерал Штеменко, мозг сталинского генштаба, реабилитированный как раз к августовскому вторжению в Чехию 1968 года. Разгорелись едва скрываемые дебаты по широкому кругу военных вопросов, но это были дебаты между ястребами.

Брежнев, имевший связи с военными до, во время и после войны, стал их сторонником. (Он дослужился до генерал-майора во время войны в должности политического комиссара; в 1953–1954 годах он был комиссар ВМФ¹, а позже был связан с ракетной промышленностью.) Но он был слишком хитрым, чтобы строить свою политическую базу на тонком слое профессиональных офицеров. Нет никаких сомнений в том, что он искал военной поддержки и институционализировал новую роль, продвинув своего старого товарища маршала Гречко в Политбюро в 1973 году; но после смерти маршала в обход профессионалов на пост министра обороны он продвинул Дмитрия Устинова.

<...>

К пятидесятой годовщине революции в ноябре 1967 года был совершен переход к более благоразумной, упорядоченной и последовательной эпохе преемников Хрущева. <...> Десять лет спустя высший уровень политического руководства остался практически нетронутым, просто постарев на эти десять лет. Руководящие учреждения партии устоялись, текучка кадров была удручающе мала, а в 1979 г. более половины «элиты» были старше 60 лет.

Платой за стабильность была угроза стагнации. В 1950-е годы экономика росла на пять-шесть процентов. В 1960-х темпы роста упали примерно до четырех-пяти процентов. А в 1970-х годах темпы роста продолжали падать примерно до четырех процентов, а зловещие прогнозы на 1980-е составляли от одного до двух процентов.

<...>

III

<...> Можно привести более убедительные аргументы в пользу того, что брежневская эпоха была очень успешной. Политическая ситуация стабилизировалась на золотой середине между различными эксцессами предыдущих периодов. Рост общего уровня жизни был впечатляющим, особенно по «социалистическим» меркам. Внутриполитическое инакомыслие безжалостно подавлялось. И важнее всего, Россия, наконец, стала великой державой мирового масштаба, по крайней мере, в военном отношении равной своему главному противнику на Западе.

Баланс советской внешней политики также неоднозначен, но Брежнев может указать на некоторые солидные достижения. <...>

Если свою восточную проблему Советскому Союзу не удалось решить, на Западе он добился прогресса. В течение многих лет Сталин, Молотов и Хрущев настаивали на том, что в Европе должен быть принят статус-кво и зафиксирован как минимум в символическом акте. Это был «факт», созданный Второй мировой войной. Сталин думал, что все было согласовано; Хрущев пытался форсировать события через кризис в Берлине. Брежнев и компания стремились добиться этого путем «разрядки» сначала в договоре с канцлером ФРГ Вилли Брандтом в августе 1970 года, а затем в «Заключительном акте» в Хельсинки в 1975 году.

Ирония заключалась в том, что даже эта ратификация в финской столице пришлась на время, когда строгое разделение Европы имело меньше практического значения, чем общеевропейские связи, которые проявлялись то здесь, то там. Вместо того, чтобы обескуражить и ослабить советских противников, закрепив статус-кво, в Хельсинки начали процесс перемен в Европе, в котором Советский Союз имел некоторые козырные карты, но ни в коем случае не командовал.

Советское господство в Восточной Европе сохраняется, и серьезные проблемы не представляются вероятными. Тем не менее, есть проблемы в отношениях. Более либеральные режимы в Польше и Венгрии продолжают постепенно продвигаться на позиции, ускользающие от строгой советской дисциплины. И все восточноевропейские правительства вынуждены из-за экономической необходимости все больше смотреть на Запад. И, наконец, в более ортодоксальных режимах Восточной Германии и Чехословакии внутренние разногласия не всегда оказываются на поверхности. В целом *modus vivendi*, кажется, достигнут с 1968 года, но это нестабильно.

Однако ненадежный характер советской политики лучше всего демонстрируется колебаниями в их отношениях с Соединенными Штатами.

<...>

В то время как трехсторонние отношения менялись, беспорядки в странах третьего мира развивались таким образом, что приносили как неудачи, так и новые возможности для советской политики. Ближний Восток, конечно, был основной областью советского вмешательства, помимо Индии; но преемникам Хрущева не удалось закрепить достигнутый им прорыв. Сначала группа Брежнева поощряла новую военную авантюру 1967 года, которая привела к унижению их подзащитных. Затем они подстрекали к перевооружению Египта и программе конфронтации в начале

1970-х годов только для того, чтобы потерпеть поражение от Израиля в полувоенных набегах в 1969–1970 годах, а затем в 1972 г. примириться Брежневу на московском саммите с Никсоном (что убедило Садата в том, что Советы никогда не придут к урегулированию путем переговоров или не поддержат новое нападение). Но Советы вернулись в игру во время войны 1973 года, и, несмотря на их исключение из последующей челночной дипломатии и частичного урегулирования, Москве удалось сохранить позиции в Сирии, Ираке, Ливии и в Организации освобождения Палестины.

Но именно в Африке произошел новый прорыв. Соединенные Штаты потерпели поражение в Анголе в 1975 году — поражение, которое частично было нанесено самими себе, но, тем не менее, оно стало водоразделом для советской позиции, которая привела в 1977 году к новым советским стратегическим плацдармам на Африканском Роге. Кубинские наемники были новым инструментом. Перевороты в Афганистане и Йемене, вне зависимости от того, были ли они случайными или тщательно спланированными, в любом случае были важными, хотя и временными достижениями, усиленными свержением шаха. К 1978–1979 годам казалось, что красная звезда господствовала, и Вашингтон ощутил «дугу кризиса», усиленную энергетическим кризисом и агрессивностью ОПЕК.

В основе всех этих эпизодов лежал твердый, неопровержимый факт — Советский Союз при Леониде Брежневе шаг за шагом усиливал свое военное положение до такой степени, что баланс сил, в котором на протяжении десятилетий доминировали Соединенные Штаты и их союзники, оказался под угрозой смещения в пользу СССР, что и происходило. Советский Союз по-прежнему вкладывал более десяти процентов всех своих экономических усилий в вооруженные силы, и, согласно последней оценке ЦРУ, его расходы на оборону в 1978 году были на 44 миллиарда долларов больше, чем расходы Соединенных Штатов.

Невозможно обойти тот факт, что последовательная приверженность этому уровню в течение более десяти лет не только окупится в ближайшем будущем, но и создаст основу для дальнейшего расширения. Леонид Брежнев оставит своим преемникам некоторые серьезные неясности в его отношениях с Западом, горечь и подозрительность в его отношениях с Китаем, а также ряд лазеек в других местах, которые умелое использование Советским Союзом может превратить в постоянные выгоды. Но прежде всего он передаст в наследство военную мощь, не имевшую себе равных в русской истории со времен, когда царь вошел в Париж² в конце долгого шествия от Бородино.

Как будут обращаться с этим наследием преемники Брежнева?

IV

В каком-то смысле преемственность уже началась, поскольку Брежнев, вероятно, ограничивает свое участие в повседневных делах. Но собственно период перехода власти, вероятно, будет продолжительным, по крайней мере, с двумя фазами.

Первый этап должен быть промежуточным урегулированием. Тот факт, что члены высшего слоя Политбюро примерно одного возраста, означает, что упадок и возможное исчезновение Брежнева сделает оставшихся членов все более ответственными в качестве своего рода корпоративного совета старейшин. Нынешним фаворитом на смену Брежневу является Андрей Кириленко, человек, чья карьера была настолько рутинной, что не поддается политической характеристике.

<...>

Несомненно, произойдет вторая смена власти, хотя это может быть скорее эволюция, чем внезапный сдвиг. По мере того, как стареющее Политбюро постепенно исчезнет, будут произведены замены; сначала коллектив будет принимать кадровые решения, но назначения во второй эшелон все чаще будут производиться первым или вторым секретарем.

До 1985 года, вероятно, появится новый лидер, все еще в формальных рамках коллективного руководства, и, возможно, тот, кто в настоящее время занимает положение в советской элите — хотя бы потому, что система работает против быстро поднимающихся темных лошадок. Кто это будет? Общие требования: чиновник, служащий в центре Москвы, с опытом работы в основном в партии, а не в правительстве, вероятно, включая службу в секретариате и некоторый опыт руководства крупной советской республикой или, по крайней мере, большой областью или ее подразделением. Среди нынешних кандидатов возможны Григорий Романов (56 лет), первый секретарь ленинградской партии; Владимир Щербицкий (62 года), лидер на Украине; Петр Машеров (60 лет), лидер Белорусской партии; и два члена нынешнего секретариата: Владимир Долгих (54 года), специализирующийся на промышленности, и самый молодой и новый член иерархии Михаил Горбачев (48 лет), специалист по сельскому хозяйству из Ставрополя. Хотя кремленолог мог бы сделать несколько выводов о политических предпочтениях этой группы, в действительности они почти неизвестны, особенно по сравнению с Брежневым и Косыгиным, когда они пришли к власти в 1964 году.

Но какая разница, кто появится? Хладнокровный анализ советской истории мог бы показать, что «объективные» факторы

определяют тенденции, но нельзя не чувствовать, что отдельные личности действительно имеют значение.

<...>

Тем не менее «вторая» преемственность будет чем-то большим, чем просто смена клонов ЦК. В 1980-х годах мы, наконец, приходим к тому, что можно было бы назвать сменой поколений. <...> Политические характеристики этого поколения могут быть предметом обширных социологических рассуждений. Но центральным моментом является то, что две смены власти создадут тенденцию к политическому потрясению по мере того, как будет вырабатываться новый внутренний баланс сил. Правда, преемственность произойдет в условиях большей стабильности по сравнению со смертью Сталина и переворотом против Хрущева — и то, и другое создало атмосферу кризиса. Но после периода относительной стабильности при Брежневе весьма вероятен период перемен.

Экономическая ситуация будет базовой. Никакой анализ не предвидит радужных перспектив. Замедление общего экономического роста в 1980-х годах кажется практически неизбежным. Спор среди экспертов действительно идет о темпах замедления, а не об общей тенденции. И причины фундаментальны: сокращение рабочей силы, снижение производительности, сокращение и подорожание ресурсов.

Поэтому требуются базовые решения. Выход один — возрождение экономических реформ для децентрализации решений и создания новых стимулов, которые могли оказать серьезное влияние на качество советской продукции и общую эффективность. Это, конечно, было очевидно на протяжении более десяти лет. Но этому сопротивлялись по политическим мотивам. Учитывая, что новое руководство, вероятно, будет несколько не уверено в своем мандате и своей политической базе, вероятность серии экономико-политических экспериментов кажется весьма маловероятной. Если это так, экономический кризис может усугубиться.

Среди других вариантов наиболее интригующим для сторонних наблюдателей является сокращение обороны. Есть некоторые неправильные представления о давлении, создаваемом высокими расходами на оборону. В текущих дебатах по ОСВ-2 стала популярной идея о том, что Советы уперлись в порог, который не позволит значительно увеличить расходы на оборону. Но мы имеем дело с довольно большими погрешностями в оценках США советских расходов на оборону. По официальной оценке Соединенных Штатов, на национальную оборону идет около 11–13 процентов советского валового национального продукта, но даже этот двухпроцентный разброс дает запас около 10 миллиардов рублей.

Более того, на стратегическое наступление приходится лишь около 10 процентов оборонного бюджета. Таким образом, пятипроцентное увеличение общего бюджета может превратиться в увеличение расходов на стратегическую оборону на 50 процентов! Таким образом, Советы могли оказать существенное стратегическое воздействие лишь при незначительном увеличении расходов. А учитывая расходы на исследования и разработки, которые за последнее десятилетие превысили расходы США на 100 миллиардов долларов, у СССР есть прочная база, на которую можно опереться.

<...>

Это не значит, конечно, что Советский Союз будет искать войны или действовать безрассудно. Наоборот, советский расчет соотношения сил, вероятно, покажется благоприятным, и у нового руководства, возможно, более молодого и энергичного, может хватить воображения, чтобы обратить этот расчет в пользу СССР.

Тем не менее, есть некоторые факторы, препятствующие скорейшему появлению такой политики. Во-первых, существует вероятность того, что любое новое руководство после ухода брежневского поколения не будет иметь большого опыта в международных делах. Какое-то время Хрущев подчинялся Молотову, а Брежнев разрешил Косыгину вести иностранные дела на протяжении нескольких лет после 1964 года. Но неопытное руководство будет лишь временным положением дел.

Вторым и более фундаментальным сдерживающим фактором будет степень привязанности Советского Союза к мировой экономике. Нынешние тенденции предполагают, что в течение длительного периода времени СССР будет вынужден импортировать технику, зерно и, возможно, даже нефть. Источники технологий — Соединенные Штаты, Япония и Западная Европа — также, конечно, и главные жертвы любых советских усилий по установлению господствующего положения в мире. Таким образом, эти страны будут иметь возможность формировать советскую политику в последующий период, но только в том случае, если они будут готовы выйти за рамки торговой политики и рассматривать свою экономическую мощь как средство влияния на внешнюю политику СССР. И Соединенные Штаты должны пересмотреть цели запретов Джексона-Вэника и Стивенсона на торговлю и кредиты.

В-третьих, существует вероятность того, что тенденции в стратегическом и региональном военном балансе будут восприниматься преемниками Брежнева в 1980-е годы в Москве как все более благоприятные, что даст им еще большую свободу действий в использовании местных кризисов или возможностей, особенно в жизненно важных районах Ближнего Востока и Персидского

залива. Если это так, то самый трудный период для Запада еще впереди (когда вопрос урегулирования престолонаследия еще может быть открыт). К сожалению, на это восприятие влияют принимаемые сейчас решения Америки — будь то растущие споры об обороне, судьбе ОСВ-2 или вопросе экономических отношений.

И здесь возникает одна из самых сложных тактических проблем: как проводить западную политику в последующий период. Должны ли мы идти на уступки Брежневу, чтобы блокировать более опасную политику, или мы тем самым способствуем возникновению такой политики? Или надо просто ждать явной смены лидеров? <...>

Запад правильно обеспокоен ростом советской мощи и начал, возможно, свою собственную программу перевооружения. Мы со все большим подозрением относимся к обещаниям советских перемен в отдаленном будущем, и мы не можем парализовать нашу политику, подчиняя ее капризам кремлевской политики. Мы, похоже, сталкиваемся с необходимостью двойной политики: в ближайшей перспективе укрепить свои позиции в ожидании периода потенциального вызова в начале-середине 1980-х годов (и, возможно, тем самым сдерживать вызов), но оставить открытым вариант приспособления, который может оказаться привлекательным для советского руководства, столкнувшегося с фундаментальными внутренними проблемами, которые наверняка проявятся в конце 1980-х годов.

